

ПРОТЕЙ-ТУР

Proteus Travel

В.КОЗАРЕНКО



ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Владимир Козаренко

Протей-тур

«Автор»

2026

Козаренко В.

Протей-тур / В. Козаренко — «Автор», 2026

Что делать скромному курьеру галактического турагентства, если его зарплаты на родной планете Плювия не хватает даже на семейный скандал? Правильно — открыть нелегальный бизнес на Земле, закрытой на вечный космический карантин. Бизнес в Москва-Сити разворачивается с истинно рублёвским размахом, пока на след «квантового буксира» не нападает Служба внешней разведки из Ясенево. Генералы решают использовать инопланетные технологии, чтобы взломать Пентагон с помощью шотландского виски... Но в Изнанке мира шпионские планы сталкиваются с непредвиденным космическим пересортом. Ироническая научно-фантастическая повесть в лучших традициях Станислава Лема и Роберта Шекли. Абсурд, геополитика и коты, которые знают себе цену.

© Козаренко В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. СЕРЫЕ БУДНИ СЕРОЙ ПЛАНЕТЫ	5
Архипелаг уныния и эмпатический капитал	5
Квантовый экспресс и иголки лингвистики	7
Кроты во мгле и трансгалактический буксир	9
Цветочный экстаз и безмолвный погром	11
ГЛАВА 2. КАРАНТИННЫЕ ТАЙНЫ И КОШАЧИЙ РЕЗОНАНС	13
Пробоина в системе и саботаж в Григии	13
Квантовый взлом и анатомический кошмар	15
Токсичная контрабанда и Толик-аномалия	17
Прорыв «Бабы Кати» и кошачье Эльдorado	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Козаренко

Протей-тур

ГЛАВА 1. СЕРЫЕ БУДНИ СЕРОЙ ПЛАНЕТЫ

Архипелаг уныния и эмпатический капитал

Если бы Творец, конструируя Вселенную, страдал затяжным приступом меланхолии и имел в распоряжении лишь тридцать оттенков асфальта, он непременно создал бы планету Плювия [Ross 128 b]. Одинок вращаясь вокруг тусклого красного карлика Ross 128 в созвездии Девы, этот космический кусок мокрого туфа являл собой триумф абсолютного, эталонного однообразия. Небо над Плювией не знало полутонов: оно всегда напоминало брюхо старой раскисшей трески, из которой непрерывно, с методичностью испорченного брендспойта, сочился мелкий, липкий, морозящий дождь. Местные метеорологи — существа невероятно ленивые — пользовались одним-единственным прогнозом на триста лет вперед: «Ожидается мгла с переходом в сырость».

Город Григия, столица этого гидротехнического недоразумения, распластался по холмам, словно гряда мокрого картона. Архитектура Григии не баловала излишествами. Здесь господствовал так называемый «монохромный брутализм»: кубические дома из пористого серого бетона, которые впитывали влагу из воздуха и от этого казались вечно заплаканными. Вода текла повсюду — по водосточным трубам, по фасадам, по воротникам прохожих. Лужи на мостовых Григии имели статус исторических памятников, поскольку никогда не высыхали, а лишь обменивались друг с другом грязной пеной.

Жители Плювии, именовавшие себя серыми, идеально гармонировали с ландшафтом. Это были гуманоиды с гладкой, лишённой пор кожей цвета речного ила и абсолютно лысыми, обтекаемыми головами, с которых дождевые капли стекали прямо за пазуху с приятным журчанием. Природа, проявив поразительную рачительность, лишила их волосяного покрова, ушей (их заменяли узкие щели) и, что самое главное, гастрономических потребностей. Серые не знали вкуса жареной отбивной, не варили кофе и не ведали, сколько калорий содержится в листе салата. Они не ели другие формы жизни. Плювианцы были эмпатами. Их биологическим топливом, эквивалентом калорий и одновременно единственной твердой валютой во вселенной были чистые психические эманации — эмпаты.

Один эмпат по строгому курсу Галактического банка «Млечный Путь» на текущий 2026 год земного летоисчисления равнялся ровно одному американскому доллару. Физиология серых напоминала ходячие литий-ионные аккумуляторы. Их тела могли генерировать, накапливать и удерживать определенный объем ментального заряда, а органом ввода-вывода служили ладони. Потерев руки от мнимого удовольствия, серый не согревался — он подготавливал клеммы к передаче суверенного капитала.

Разумеется, в цивилизованном космосе самостоятельная добыча эмпатов — то есть умышленное доведение ближнего своего до белого каления с целью подкормиться его гневом — сурово каралась галактическим законом. Это считалось злостным браконьерством. Межзвездное правительство давно и надежно монополизировало рынок, устроив закрытые планеты-фермы. Там, в огромных био-резервуарах, копошились миллионы примитивных существ, которые жрали белковую пищу, истошно оралы, влюблялись, завидовали и вырабатывали мегаватты чистой душевной энергии, даже не подозревая, что их страх перед тем-

нотой или радость от покупки новых штанов аккуратно фасуется по контейнерам и отправляется на экспорт.

В Григии, как и в любом приличном мегаполисе, царило жесточайшее эмпатическое неравенство. Вечерняя Григия делилась на два параллельных мира, разделенных толщиной витринного стекла.

Вдоль центрального проспекта, тускло освещенного неоновыми вывесками, тянулись рестораны высшей категории. Через панорамные окна Илар, как и тысячи его сограждан, мог наблюдать оргии местной аристократии. Богатые серые сидели за столиками из полированного обсидиана. Перед ними не стояло тарелок — вместо них из центра стола торчали никелированные патрубки эмпатических инжекторов. Подключив ладони к разъемам, местная элита закачивала в себя эмпааты высшей пробы — например, «Искренний восторг юной девственницы» урожая позапрошлого века или «Ярость кавалерийского генерала» с примесью адреналина.

Получив заряд, богачи тут же принимались его расходовать, демонстрируя статус. Они дико, неестественно хохотали, швыряли друг в друга хрустальные стаканы с дистиллированной водой, рыдали над меню, демонстративно злились на официантов и тут же, в порыве искусственного великодушия, осыпали их искрами ментальных чаевых. Их кожа после таких процедур лоснилась, они посещали дорогие салоны, где им полировали черепа до зеркального блеска и наносили цветные, светящиеся в темноте татуировки, расходующие по триста эмпаатов в час ради банального понта. Мимо ресторанов с тихим шипением проносились их роскошные граvimобили, двигатели которых питались отборным, высокооктановым презрением к рабочему классу.

А на тротуарах, под косым и вечным дождем, текла другая жизнь. Здесь шли нищие. Общество Плювии наказывало бедноту самым изысканным образом — лишением права на экспрессию. Любая эмоция, будь то мимолетная улыбка или тяжелый вздох, требовала расхода эмпатического потенциала. Проявление чувств без покрытия золотым запасом вело к мгновенной разрядке организма, обмороку и последующей утилизации.

Поэтому бедняки Григии передвигались по улицам с абсолютно пресными, неподвижными, словно высеченными из серого мыла лицами. Они не имели права на удивление, когда мимо пролетала дорогая машина, не могли нахмуриться от бьющих в глаза брызг. Они экономили. Их глаза напоминали потухшие угольки.

К остановке скрежеща тормозами подкатил двухэтажный общественный автобус, работающий на остаточном, низкосортном унынии. Илар протиснулся внутрь, втискиваясь между двумя пожилыми серыми, от которых за версту несло дешевой, плохо очищенной тоской — самым доступным суррогатом на рынке. Автобус был забит существами, в чьих глазах свет жизни погас еще во время первой кредитной реформы. Они стояли, покачиваясь в такт выбоинам на дороге, безмолвные, серые, идеально приспособленные к своей нищете, экономя каждый миллиэмпат для того, чтобы просто дотянуть до следующей рабочей смены.

Квантовый экспресс и иголки лингвистики

На следующее утро Илар проснулся под монотонный стук капель по подоконнику — звук, который на Плювии заменял и будильник, и колыбельную, и погребальный марш. Утренний ритуал в его семье не отличался разнообразием и изяществом. На кухне, посреди серого пластикового стола, высился домашний психостат — прибор, похожий на старый сварочный трансформатор с кучей проводов и тусклым жидкокристаллическим экраном.

Илар, его супруга Бренна и двое близнецов сели вокруг аппарата. Никто не произнес ни слова: утренние разговоры слишком расточительны для семейного бюджета. Они синхронно положили ладони на медные пластины зарядного устройства. Психостат натужно загудел, распределяя по их телам утренний паек эмпатов. Это была стандартная, субсидируемая государством смесь низкого качества — смесь из спокойствия старого осла и легкого, едва заметного оптимизма, разбавленного для объема чистой апатией. По телу Илара разлилось слабое, покалывающее тепло, похожее на действие застоявшегося пива. Кожа на мгновение посветлела, приняв оттенок мокрого шифера, но этого заряда едва хватало, чтобы передвигать ноги и не впасть в депрессию по дороге на службу.

Одевшись в стандартный непромокаемый плащ из переработанного полиэтилена, Илар вышел на улицу, дождался своего унылого автобуса и через сорок минут уже входил в проходную компании *Proteus Travel*.

Галактическое туристическое агентство занимало три этажа в кубе из темного стекла. На вывеске красовался старый, облупившийся лозунг: «Увидеть Вселенную и не умереть от старости в пути!». Лозунг соответствовал действительности. Физические перемещения в пространстве на консервных банках, сжигающих тонны антиматерии ради преодоления пары световых лет, давно сданы в архив истории. Это было слишком долго, дико дорого и совершенно неэффективно: пока турист долетал до соседней туманности, его дети успевали выйти на пенсию, а сама туманность — превратиться в черную дыру.

Вот уже триста лет индустрия отдыха покоилась на фундаментальном открытии квантовой метафизики: любое живое существо состоит из двух тел. Тело-2 — это грубая материальная оболочка, белковый или кремниевый скафандр, подчиняющийся упрямому старику Эйнштейну с его ограничениями скорости света. Но внутри этого скафандра сидело Тело-1 — тонкая, высокочастотная энергетическая сущность, истинное «Я». Оказалось, что Тело-1 способно проваливаться в так называемое «изнаночное измерение», где законы материального мира скручивались в бараний рог. В этой изнанке энергетический сгусток перемещался со скоростью примерно один световой год за одну земную секунду. Пространство там сжималось, словно гармошка в руках пьяного матроса.

Агентство *Proteus Travel*, где трудился Илар, обслуживало скромный, но густонаселенный сектор галактики размером всего в сто квадратных световых лет. Для Илара, выполнявшего обязанности курьера-проводника, это означало, что рабочая поездка на самый край цивилизации занимала чуть больше минуты. Клиенты пошли капризные: никто не желал проводить в изнанке целых пять минут, все требовали мгновенного сервиса, угрожая пожаловаться в Галактический союз защиты прав потребителей.

Офис, где Илар проводил свои девять часов, напоминал нечто среднее между операционным залом банка и процедурным кабинетом психиатрической лечебницы. Вдоль стен стояли десятки глубоких, анатомических кресел из искусственной кожи. Между ними возвышались компьютеры нового поколения — абсолютно прозрачные стеклянные панели толщиной в палец, внутри которых лениво переливались искры лазерных логических цепей.

Илар вздохнул, опустился в свое кресло под номером четыре и потянул сверху массивный металлический обруч. Это устройство — лингвистический навигатор-детектор — было глав-

ным орудием его пытки. Стоило опустить обруч на голову, как сотни тончайших, острых как бритва микроиглолок с тихим щелчком пробивали верхний слой эпидермиса его лысой головы, напрямую подключаясь к коре головного мозга, а через нее — к Телу-1.

Илар поморщился. Физической боли почти не было, но ощущение, будто в череп засыпали горсть муравьев, раздражало каждый день. Зато прибор решал проблему вавилонского столпотворения. В секторе разговаривали на тринадцати тысячах языков и наречий: одни свистели хвостом, другие выделяли сероводород разной плотности, третьи использовали исключительно математические операторы. Выучить это не мог ни один живой мозг, но детектор переводил чужую речь прямо в понятийные центры Илара. Общаясь с каким-нибудь разумным слизнем, курьер слышал чистейший плювианский диалект и даже не замечал, что собеседник в этот момент просто булькает пузырями метана.

Технология туризма была отлажена до автоматизма. На всех планетах, включенных в глянцевого каталог *Proteus Travel*, содержались так называемые тела-приемники, или аватары. Местные аборигены, стесненные в средствах, добровольно сдавали свои физические тела (Тела-2) в краткосрочную аренду агентству. Пока хозяин спал, в его биологическую машину вселялся интурист.

Перед отправкой каждый клиент подписывал тридцать страниц убористого текста, обязуясь бережно относиться к арендованному имуществу: не вступать в межвидовые драки, не употреблять горюче-смазочные материалы внутрь, не перегружать чужую печень местным алкоголем и не жрать все подряд без разбора. Экскурсионный тур длился ровно три часа. Этот лимит установила сама природа: если материальное Тело-2 оставалось без своего родного Тела-1 дольше ста восьмидесяти минут, в нем начинались необратимые процессы застоя — синапсы пересыхали, кровь или ее суррогаты густели, и тело начинало постепенно деревенеть, превращаясь в прикроватную тумбочку. Но трех часов вполне хватало, чтобы осмотреть достопримечательности, закупить сувениров и сделать стандартную цифровую карточку на память.

Кроты во мгле и трансгалактический буксир

Едва Илар успел привыкнуть к покалыванию иголок в черепе, как на его стеклянной панели загорелся красный индикатор — сигнал первого вызова. День начинался буднично.

— Так, что тут у нас... — пробормотал Илар, считывая данные. — Заказ номер 847-Б. Маршрут: планета Мгла [Nebularia], система звезды Сцинтилла. Конечный пункт: планета Тенебрия, звезда Лакайль 9352. Клиент... о, опять эти подземельщики.

Жители планеты Мгла были давней головной болью всех туристических агентств. Эволюция сыграла с ними злую шутку. Внешне они ничем не отличались от среднестатистического человека или серого: те же две руки, две ноги, стандартный торс, даже отсутствие хвоста радовало глаз антрополога. Но вместо лица у них красовалась абсолютно гладкая, обтянутая плотной кожей кротовая морда, на которой полностью отсутствовали глаза. В вечной, непроглядной мгле их родного мира, состоящего из подземных лабиринтов и серных испарений, зрение оказалось тупиковой ветвью развития. Природа сочла глаза непозволительной роскошью и ликвидировала их за ненадобностью, взамен наделив небуларианцев мощнейшим ультразвуковым эхолокатором и обонянием, способным различить молекулу ромашки в цистерне мазута.

Илар проверил статус оплаты.

— Предоплата сто процентов. Отлично, — буркнул он. Галактический банк уже заблокировал на счете заказчика круглую сумму в эмпатах. Без этого курьер даже пальцем бы не пошевелил — выковыривать чужую энергетическую сущность в долг строго запрещалось.

Илар устроился поудобнее в кресле, закрыл глаза и мысленно активировал навигатор. Мир Григии исчез. На долю секунды Илар ощутил себя бесплотным духом, висящим в абсолютной пустоте, а затем его Тело-1 с колоссальным ускорением рванулось сквозь изнаночное измерение. Двадцать световых лет промелькнули как один миг.

Он очнулся в теле штатного аватара на планете Мгла. Ощущения были отвратительными: аватар оказался местным государственным служащим, у которого жутко чесалась подземная лопатка, а в ушах стоял непрерывный писк от ультразвуковых переговоров прохожих. Илар, не теряя времени, прошел в приемный покой местного филиала *Proteus Travel*.

Заказчик — солидный, упитанный небуларианец в дорогом бархатном комбинезоне — уже сидел в специальном шезлонге.

— Добрый день, я ваш гид Илар, — произнес Илар, и лингво-детектор перевел это в серию высокочастотных щелчков. — Готовы к отправлению?

Крот утвердительно качнул своей слепой головой.

Илар подошел к нему и положил свои серые ладони на ладони клиента. Это был юридический момент фиксации сделки: Илар принял транзитную пошлину, почувствовав, как через его кожу потек прохладный, плотный поток эмпатов, предназначенных для кассы агентства. Теперь предстояла самая деликатная часть работы — экстракция.

Илар сосредоточился, перехватил клиента за ментальные узлы и аккуратно, словно пробку из бутылки коллекционного вина, потянул Тело-1 небуларианца наружу. Физическое Тело-2 крота мгновенно обмякло, голова упала на грудь, изо рта побежала сонная слюна — лишившись хозяина, белковый скафандр провалился в глубочайший анабиоз. В ту же секунду Илар скомандовал «выход» собственному аватару. Его арендованное тело на Мгле точно так же рухнуло на соседнее кресло, пополнив ряды временных покойников.

Теперь они оба находились в изнанке. Илар видел клиента как дрожащий, розоватый сгусток энергии, похожий на испуганную медузу. Курьер привычным, отработанным до автоматизма движением обнял эту «медузу» за воображаемую талию — в энергетическом мире понятия анатомии весьма условны — и рванул вперед.

Они неслись сквозь другое измерение со скоростью, в двадцать семь миллионов раз превышающей скорость света. Вокруг них не было ни звезд, ни планет — лишь серо-буро-малиновые сполохи квантовых полей и свист искривляемого пространства. Крот-медуза испуганно сжимался, Илар же держал его крепко: упустить клиента в изнанке означало обречь его на вечное скитание между атомами водорода, что привело бы к длительным судебным разбирательствам с его родственниками.

Через тридцать две секунды они достигли системы Лакайль 9352. Перед ними возникла Тенебрия — цветущий, залитый ярким светом мир. Илар спикировал на местную станцию приема. Процесс «вставки» прошел без сучка и задоринки. Курьер аккуратно протолкнул розоватый ступок клиента в подготовленное тело тенебрианского аватара, а сам нырнул в соседнюю биологическую оболочку.

Через мгновение Илар открыл глаза. Он снова был в чужом мясистом теле, но теперь вокруг него бушевал совершенно чуждый, безумный мир Тенебрии. Будни курьера катились по накатанной колее: скучно, привычно, однообразно. Три таких рейса за девятичасовую смену могли довести до истерики любого, но Илар лишь мысленно вздохнул, сверяясь с часами программы.

Цветочный экстаз и безмолвный погром

Тенебрианцы внешне оказались существами на редкость банальными. Илар, осматривая свои новые руки и ноги в зеркале приемного покоя, отметил, что у них даже хвоста нет — сплошное разочарование для любителей экзотики. Однако у этих обывателей имелся один эволюционный козырь, ради которого «кроты» с планеты Мгла готовы были выложить последнее эмпатическое состояние. Глаза тенебрианцев обладали уникальной сетчаткой, способной воспринимать мир в расширенном спектре — от жесткого ультрафиолета до глубокого инфракрасного, включая одиннадцать базовых цветов, совершенно неизвестных остальной галактике.

Когда небуларианец пришел в себя в новом теле и впервые разомкнул веки, он издал такой дикий, ультразвуковой вопль восторга, что у Илара чуть не лопнули тенебрианские перепонки. Крот, никогда в жизни не видевший даже разницы между днем и ночью, внезапно оказался внутри гигантского, безумного калейдоскопа.

Развлекательная программа, составленная местным бюро, была заточена под этот визуальный шок. Илар повез туриста на знаменитые Великие Поляны. Это были бескрайние холмы, засаженные тенебрианской флорой. Цветы здесь не просто росли — они пульсировали, меняли оттенки в зависимости от угла падения света и испускали густые, тяжелые ароматы. Для небуларианца, обладавшего к тому же феноменальным обонянием, это было комбо-атакой на все органы чувств.

Крот в теле тенебрианца ползал по траве, хватал руками бутоны, которые Илар видел как пронзительно-салатные с фиолетовой искрой, и шумно втягивал воздух.

— О-о-о! — вопил турист. — Это синий? Или это ультра-малиновый? Какое безумие! А пахнет... пахнет как жареный радий с корицей!

Илар уныло стоял рядом, скрестив руки на груди. Ему эти восторги казались верхом глупости: цветы как цветы, сырость как сырость, только голова начинает болеть от пестроты.

Три часа пролетели среди цветочного безумия. В финале экскурсии, согласно строгому протоколу *Proteus Travel*, требовалось сделать отчетный фотоснимок. Поскольку турист находился в чужом теле, на фотографии он выглядел бы как обычный местный житель. Чтобы доказать дома жене и коллегам, что это именно он летал на Тенебрию, каждый путешественник использовал тайный, заранее придуманный жест.

Этот конкретный крот не отличался изысканными манерами. Он сорвал огромный, сочный, фосфоресцирующий желтый цветок и с глупым видом засунул его себе глубоко в левую ноздрю. Илар буднично поднял камеру, сделал три снимка под разными углами, зафиксировав этот триумф межпланетного туризма.

Затем последовала обратная, рутинная процедура. Илар усадил обмякшее тело аватара в кресло, чтобы оно не рухнуло лицом в грязь после отключения, извлек Тело-1 туриста, снова обнял его за талию и потащил обратно на Мглу. Вернув крота в его родной подземный скаффандр, выслушав порцию невнятного шелканья, заменявшего благодарность, Илар вернулся в свое родное агентство в Григии.

Иголки с тихим шипением вышли из его черепа. Илар пошатываясь встал с кресла, подошел к центральной кассе и прижал ладони к приемнику, сгружая заработанные для компании эмпааты. Тяжелая, изнурительная работа. Целый день таскаешь на себе чужие души, терпишь капризы идиотов, летаешь туда-сюда через парсеки пустоты, а ради чего?

Сегодня был день полочки. Илар получил свой электронный чек, взглянул на сумму и его серая кожа приобрела землистый оттенок. Зарплата была нищенской. Ее едва хватало на то, чтобы не умереть с голоду в прямом, эмпатическом смысле этого слова.

Домой Илар возвращался в самом скверном расположении духа, которое только мог себе позволить без риска для здоровья. Дома его ждали. Супруга Бренна и дети уже сидели за сто-

лом, на котором исходил паром праздничный салат. Бренна совершила кулинарный подвиг — она умудрилась купить на рынке эмпааты редких, побочных частот и смешала их в определенной пропорции. Для серых это было вершиной гастрономии. Салат выдавал такую тонкую, сложную ментальную гармонию, которая ощущалась всем телом как идеальный септаккорд на старинном пианино, сыгранный прямо внутри нервной системы.

Илар подошел к домашнему психостату и прижал ладони к панели, выгружая месячный заработок в семейный накопитель. Детям он выделил по крошечной ментальной капле — чисто на карманные расходы, чтобы они могли разок улыбнуться в школе.

Бренна подошла к дисплею психостата, чтобы проверить баланс. Зеленые цифры замерли на отметке, которая заставила бы заплакать даже бетонный столб.

— Это все? — спросила она. Ее голос был абсолютно ровным, плоским и монотонным. На лице не дрогнул ни один мускул. На Плювии скандалы имели свою, неповторимую специфику. Серые не кричали, не брызгали слюной и не надували вены на шее — на это требовалось слишком много валюты.

— Все, — так же серо и безжизненно ответил Илар. — Фирма урезала премиальные за транзит кротов.

— Нам не хватит на муниципальный налог, — ровным, как доска, тоном произнесла Бренна. — Обучение близнецов под угрозой. Кредит за этот чертов психостат просрочен на три дня. Мы нищие, Илар. Ты ничтожество.

Чтобы выразить всю глубину своего отчаяния и ярости, Бренна сделала то, что делали все бедняки в Григии, экономящие личный эмпатический заряд. Она медленно протянула руку, взяла со стола дорогую, доставшуюся от бабушки вазу из серого фарфора и с глухим стуком уронила ее на пол. Ваза разлетелась на мелкие дребезги. Лицо Бренны при этом оставалось безупречно маской абсолютного равнодушия, глазные щели не расширились ни на миллиметр. Это был безмолвный, экономный погром — единственный доступный им способ выразить семейную драму, не потратив ни одного эмпаата на крик или слезы.

Илар смотрел на осколки фарфора, лежащие в лужице сконденсировавшейся на полу влаги. В его голове, под гладкой кожей лысого черепа, впервые за многие годы зашевелилась по-настоящему горячая, опасная мысль.

С него хватит. Хватит таскать чужие задницы по галактике за гроши. Завтра он пойдет и напишет заявление об увольнении. Нужно освободить время для чего-то более существенного. Он ломает голову над тем, как жить дальше, но одно Илар знал твердо: если жить честно, соблюдая все законы Галактического совета, ты так и сдохнешь на этой мокрой планете с пресным лицом и пустым брюхом.

Эти жирные коты в ресторанах Григии... Они вряд ли получили свои миллионы, работая по девять часов в курьерской службе за двадцать жалких эмпаатов в день. Существовал другой путь. Незаконный, опасный, криминальный — путь контрабанды и нелегальной добычи чувств. И Илар твердо решил на этот путь ступить.

ГЛАВА 2. КАРАНТИННЫЕ ТАЙНЫ И КОШАЧИЙ РЕЗОНАНС

Пробоина в системе и саботаж в Григии

На следующее утро Илару поразительно, почти преступно везло. В расписании курьерской службы образовалось глухое, мёртвое «окно» — явление на *Proteus Travel* редкое, как улыбка на лице плювианского налогового инспектора. Пользуясь тем, что большая часть коллег-проводников находилась в глубоком анабиозе, а их Тела-1 болтались где-то в районе туманности Андромеды, конвоируя капризных туристов, Илар проскользнул в архивный зал.

Информационная база данных агентства представляла собой массивный монолит из дымчатого кварца, внутри которого лениво плавали золотистые нити секретной информации. Здесь, под семью квантовыми замками, хранились реестры так называемых эмопланет — миров-ферм, где Галактическое правительство легально и методично выжимало из туземцев ментальный капитал. Таких заповедников сырьевого уныния и радости в известной вселенной насчитывалось едва ли с десяток. Все они были облеплены станциями космической жандармерии, автоматическими дредноутами и минными полями, способными превратить любого контрабандиста в мелкодисперсную пыль ещё на дальних подступах в Изнанке.

Однако внимание Илара привлекла одна странная деталь. В самом углу экрана, на периферии сектора, всего в каких-то несчастных десяти световых годах от Григии, сиротой светилась безымянная точка, помеченная багровым значком: «Карантин. Высший уровень изоляции. Мониторинг отключён за нерентабельностью».

— Интересно, — пробормотал Илар, приближая изображение на огромной стеклянной панели. Его тонкие серые пальцы запорхали по сенсорам, переводя монитор в режим сквозного просмотра Изнанки. — Если там нет охраны, значит, объект либо пуст, либо...

То, что он увидел, заставило его навигационный обруч на голове жалобно звякнуть. Планета была буквально упакована в колоссальный, циклопический инженерный кокон. На высоте ровно ста километров от поверхности планеты оплетала чудовищная шарообразная сеть из переплетенных коммуникационных труб. В узлах этой глобальной паутины стометровые титановые магистрали круто уходили вниз, впиваясь прямо в тело планеты через каждые сто километров, словно гигантские соломинки, воткнутые в сочный апельсин. Конструкция была абсолютно монолитной, герметичной и глухой. Она полностью экранировала мир от любых проникновений из Изнанки. Становилось ясно, почему правительство экономило на патрульных крейсерах: создатели этой клетки были абсолютно, до глупости уверены в её вечной надёжности.

Илар лениво крутанул трехмерную модель планеты, собираясь уже закрыть вкладку, как вдруг его взгляд зацепился за южный полюс. В районе одной из стыковочных пазух защитный контур истончался, и оттуда, пробивая космическую тьму, бил тонкий, рваный, пульсирующий фонтан яркой голубой энергии.

— Дыра! — Илар даже причмокнул от удовольствия, хотя не имел для этого подходящих губ. — Настоящая тектоническая трещина в защитном поле. И судя по спектру, система саморемонта сдохла там ещё пару веков назад.

План созрел мгновенно — с той отчаянной скоростью, с какой нищий серый принимает решение украсть из эмомата чужую заначку. Илар на цыпочках прокрался в техническую кладовую агентства. Порывшись в ящиках со списанным хламом, он откопал старенький, потерянный, но вполне исправный лингво-навигатор модели «Вавилон-4». Спрятав прибор на дно

своей походной сумки, Илар решительным шагом направился в кабинет генерального директора.

Шеф агентства, пожилой, разжиревший от элитных эмпатов серый по имени Ольг, сидел в кресле, вяло полируя свой и без того зеркальный череп шелковой тряпочкой.

— Это невыносимо! — с порога завел Илар. Согласно правилам эмпатической экономики, его лицо оставалось неподвижной маской, но интонации он подбирал самые зловещие. — Работы нет! Утренние простои не оплачиваются! Моя супруга вчера привела в негодность фамильную вазу! В доме атмосфера полной разрядки!

Ольг даже не поднял глаз:

— Илар, голубчик, в галактике кризис...

— К чёрту кризис! — Илар сделал шаг к директорскому столу, протянул руку и схватил изящную стеклянную статуэтку многорукого осьминога — подарок гильдии проводников с планеты Головоногих. С каменным выражением лица Илар разжал пальцы. Статуэтка полетела вниз и с восхитительным, хрустальным звоном разлетелась на тысячи осколков у ног директора. — Это мой официальный протест! Я увольняюсь! Ищите себе другого дурака для буксировки безглазых кротов!

Через две минуты Илар уже летел в автобусе, сжимая в кармане ворованный навигатор. Впервые за сотню лет он чувствовал нечто, похожее на слабый зуд свободы.

Квантовый взлом и анатомический кошмар

Свобода — штука приятная, но крайне расточительная. Забаррикадовавшись в своей тесной комнатке, Илар первым делом повесил на входную дверь массивную пластиковую табличку: «**НЕ БЕСПОКОИТЬ! НЕ ОТКЛЮЧАТЬ! ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ! ПАПА ДОБЫВАЕТ ЭМАНАТЫ**». Дети, прочитав такое, обычно затихали на сутки, опасаясь случайной деполяризации.

Илар устроился на узкой кушетке, нацепил на череп ворованный обруч и выставил на панели навигатора контрабандные координаты. Микроиголки привычно впились в кожу. Илар глубоко вздохнул, нажал пусковую панель, и его Тело-1, сорвавшись с биологического якоря, с визгом ухнуло в Изнанку.

Десять световых лет пролетели, как смазанный кадр. На подлёте к карантинной планете Илар резко затормозил свой энергетический сгусток и обомлел. Возле сияющей голубой пробоины в титановой трубе царило оживление, напоминающее привокзальный рынок в базарный день. Мимо него туда-сюда шныряли странные, тусклые Тела-1. Они влетали внутрь кокона пустыми, а возвращались раздутыми, словно наевшиеся клопы.

— Контрабандисты! — догадался Илар, затаившись за обломком метеорита. — Стало быть, слухи не врут. Если эти стервятники крутятся здесь веками, значит, на этой проклятой планете есть чем поживиться, несмотря на весь карантин.

Словно юркая ящерица, Илар скользнул внутрь пробоины, миновав огромные, безжизненные магистрали коммуникационных труб. Оказавшись в атмосфере, он заложил пару ознакомительных виражей вокруг планеты. Илар рассудил здраво: соваться к аборигенам при свете дня — верх дилетантства. Днем их Тело-1 и Тело-2 слиты в единый материальный монолит, и подключиться к их сознанию из Изнанки невозможно без специального армейского деструктора. А вот ночью, во время отдыха, Тело-1 по всем законам вселенской биологии должно слегка отслаиваться от мясного скафандра. Тут-то его и можно брать тепленьким для сбора информации.

Илар выбрал ночную сторону планеты и начал плавно снижаться над каким-то серым, хаотично застроенным поселением. Скользнув сквозь кирпичную стену типовой многоэтажки, он завис посреди темной комнаты.

— Что за чертовщина? — Илар даже потер ментальные глаза.

Перед ним на кровати лежали два аборигена. И их Тела-1, и их Тела-2 спали мертвым, беспробудным, синкретическим сном. Они были слипшимися, как непропеченное тесто. Контакт оказался абсолютно невозможен — сознание туземцев было заблокировано наглухо.

Илар взлетел вверх на сто километров, сменил локацию на три тысячи парсек вбок и спикировал в огромный мегаполис, прошив сорокаэтажный небоскреб из стекла и бетона сверху донизу. Картина повторилась с пугающей точностью. На всех сорока этажах существа спали обоими телами сразу.

— Невероятно... — прошептал Илар, чувствуя, как его охватывает экзистенциальный ужас. — Они что же, добровольно тратят треть всей своей жизни на этот абсолютный, пустой растительный сон?!

На Плювии ночной отдых физического Тела-2 использовался с максимальной коммерческой выгодой. Пока мясной скафандр регенерировал в ремонтном растворе, Тело-1 серых бодрствовало: читало научные трактаты, учило языки, смотрело межгалактические хроники или подрабатывало на удаленной бирже. Терять треть жизненного цикла на банальное пускание слюней в подушку казалось Илару верхом эволюционного слабоумия.

Пользуясь беспомощностью спящих, Илар подлетел ближе и принялся брезгливо рассматривать анатомические особенности местных жителей. Увиденное повергло его, как представителя высшей расы, в глубокий эстетический шок.

Вместо аккуратных, благородных, больших черных глаз нормального гуманоида, у этих тварей были крошечные, глубоко посаженные влажные щелочки. Вместо изящных дыхательных отверстий прямо посреди лица торчал уродливый, мясистый хрящевой выступ, больше всего похожий на клюв хищной птицы с далекой планеты Стервятников. На месте аккуратных ушных щелей по бокам черепа разрослись огромные, хрящевые лапухи, способные, кажется, ловить штормовой ветер.

Но самым отвратительным и противоестественным зрелищем была шерсть. Она росла у них прямо на голове — густая, путаная, грязная шерсть разных оттенков! Ладно бы только на голове — у некоторых особей, особенно крупных, эта жуткая аномалия покрывала нижние и верхние конечности, превращая их в подобие линялых ковриков. Лишь изредка среди этого волосатого кошмара попадались редкие, истинно красивые экземпляры — абсолютно лысые, с гладкой кожей, похожие на приличных серых гуманоидов.

— Да только ради этой внешности эту планету стоило бы закрыть на вечный карантин, — содрогнулся Илар, отлетая к окну. — Чтобы приличные галактические туристы не заикались от ужаса при выходе из Изнанки.

Токсичная контрабанда и Толик-аномалия

Галактическое агентство экономической безопасности определенно недаром ело свой хлеб. Илар вынужден был признать, что они создали гениальную, шедевральную двойную систему защиты. Первый уровень был физическим — тот самый титановый кокон из труб в стратосфере. А вот второй уровень оказался генетическим. Аборигены были кастрированы ментально. Находясь на самой ранней, допотопной стадии эволюции, они были полностью лишены возможности не то что выходить в Изнанку, но даже подозревать о её существовании. Их Тела-1 засыпали синхронно с мясом, намертво отрезанные от великого информационного океана вселенной. Они жили в полной уверенности, что они одиноки во Вселенной, а их убогий шарик — вершина творения.

Вдруг в одной из квартир на тридцатом этаже Илар заметил странное шевеление. В полумраке возле кровати копошились те самые контрабандисты, которых он видел у пробоины. На вид они были точной, но уменьшенной копией местных уродов — ростом всего около метра, одетые в крошечные синие штаны (лингво-детектор подсказал слово «джинсы») и майки.

Коротышки пристраивались к головам спящих людей и при помощи каких-то ментальных присосок грубо, варварски качали из их мозгов энергетические соки. В местах подключения на волосатой коже туземцев оставались характерные багровые следы, как будто туда приложили раскаленный паяльник. Завидев величественную, гладкую фигуру Илара, мелкие твари испуганно пискнули, сорвались с мест и мгновенно растаяли в Изнанке, бросив добычу.

— Ну-ка, посмотрим, ради какого деликатеса вы тут рискуете шкурой, — пробормотал Илар.

Он подлетел к спящему человеку и аккуратно прижал два пальца к свежему «ожогу» на его шее. В ту же микросекунду Илара потрянуло так, словно он схватился голыми руками за оголенный силовой кабель межпланетного экспресса. По его энергетическому телу пробежала судорога, кожа мгновенно пошла трупными фиолетовыми пятнами, а в ментальных ушах раздался скрежет ржавого железа.

— О великий Космос! Что это за дрянь?! — Илар отлетел к потолку, тяжело отдуваясь.

Энергия, которую генерировали эти существа, была абсолютно, стопроцентно несъедобной. Это была тяжелая, грязная, высокотоксичная эманация самых низких частот — концентрированная, животная агрессия, пополам с первобытным ужасом и глупостью.

— Так вот почему здесь карантин! — до Илара наконец дошел истинный масштаб замысла Правительства. — Да эти твари — ходячие экологические катастрофы! Если бы их Тела-1 не спали ночью, если бы они вырвались в Изнанку и полетели к звездам, они бы своей бракованной, ядовитой эмпатией заразили половину обитаемых секторов! За торговлю таким товаром в Григии дают пожизненную деполаризацию. Это же все равно что распылить боевой слезоточивый газ на центральном проспекте во время праздника!

Илар уныло повис в воздухе. План обогащения трещал по швам. Улетать ни с чем, возвращаться к Ольгу, просить прощения и снова таскать кротов? От этой мысли его серая сущность сжималась в комок.

Он уже направился к выходу сквозь бетонные перекрытия, собираясь навсегда покинуть эту помойку, как вдруг в коридоре соседней квартиры наткнулся на нечто совершенно невозможное.

Сквозь стену, отчаянно размахивая руками, летело Тело-1 местного аборигена. И оно НЕ СПАЛО! Это была чудовищная, невероятная генетическая аномалия. Существо в энергетическом облике металось от одной запертой двери к другой, просачивалось в комнаты соседей и истошно пыталось растолкать их спящие, слипшиеся Тела-1. Разумеется, у него ничего не получалось — его руки просто проходили сквозь спящее мясо, не оставляя следов.

Илар, не веря своим глазам, сделал резкий выпад и мертвой хваткой схватил аномального туземца за руку.

— Стоп, приятель! Сбавь обороты!

Существо дернулось и устало на Илара. В Изнанке человеческая внешность копировалась со всеми ее дефектами. Илар, повидавший на своем веку и многоглазых кальмаров, и разумных палочников, и пурпурных слизней, снова содрогнулся. Этот птичий клюв вместо носа, эти уши-лапухи, а главное — жуткая, клочковатая растительность вокруг рта и на подбородке... Зрелище было поистине не для слабонервных.

Абориген замер, его крошечные глазки округлились от неопишуемого, священного ужаса и восторга. Похоже, он впервые в своей убогой жизни видел цивилизованное существо с нормальной, идеально гладкой лысой головой и благородной серой кожей. Для него Илар сейчас выглядел как сошедший с небес бог.

— Как твое имя, несчастный? — строго спросил Илар через навигатор.

— Т-Толик... — пролепетало существо, мелко дрожа. — Моё имя Толик... А ты... ты кто? Смерть моя, да? Или инопланетянин?

Илар расправил плечи и принял максимально официальный вид. Называть себя безработным неудачником он, разумеется, не собирался.

— Я — Илар. Полномочный сотрудник галактического туристического агентства *Proteus Travel*. Проводник высшего ранга. В данный момент я уполномочен проводить глубокую стратегическую разведку в вашем отсталом секторе на предмет возможной организации элитного туристического бизнеса для VIP-клиентов.

— Да ладно! — Толик даже дрожать перестал. — А почему... почему именно я? У нас тут вон, полный дом народу!

Илар деликатно умолчал о том, что Толик — единственный сумасшедший на всей планете, у которого ночью работает мозг. Вместо этого он снисходительно улыбнулся:

— Потому что, Толик... скажем так, у тебя не такой большой и уродливый клюв, как у остальных твоих соплеменников. Да и лапухи на голове в пределах допустимой нормы. Проще говоря, твоя внешность имеет хоть какой-то товарный вид. Мы ведь работаем с очень богатыми, эстетически капризными клиентами. Они не должны пугаться.

Прорыв «Бабы Кати» и кошачье Эльдorado

Толик грустно усмехнулся, попытавшись почесать свое энергетическое ухо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.